
Марина Ветрова ✦ Анна Сорока
Измена мужа.
Ты вписал любовницу в мой полис,
а врач подарил мне новую жизнь!

Анна Сорока
Марина Ветрова

Измена мужа. Ты вписал любовницу в мой полис, а врач подарил мне новую жизнь!

https://litres.ru/74702254
SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь лет я была удобной женой. Пока однажды в клинике мне не сообщили: муж вычеркнул меня из медицинской страховки. Вместо моего имени в полисе теперь значилась его любовница. А мои банковские карты оказались заблокированы.

Вадим рассчитывал, что я проглочу унижение и вернусь домой. Но врач Карим Аль-Фахри протянул мне руку помощи — и показал документы, от которых кровь застыла в жилах.

Оказалось, предательство было лишь частью тщательно продуманной аферы.

Теперь муж требует моего молчания, свекровь умоляет спасти семью, а я впервые готова бороться за себя.

Но сумею ли довериться мужчине, который предлагает мне не только защиту, но и настоящую любовь?

Содержание

Глава 1. Стёртое имя 4
Глава 2. Чужая жена 12
Глава 3. Гарантия 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Марина Ветрова, Анна Сорока Измена мужа. Ты вписал любовницу в мой полис, а врач подарил мне новую жизнь!

Глава 1. Стёртое имя

Подошла к стойке. Через подошвы босоножек от мрамора тянуло льдом; в этом холле чистота, холод и деньги чувствовались даже кожей. В эти двери заходила восемь лет. Восемь лет — по вторникам и четвергам, на осмотры, анализы, на профосмотры, на прививки перед поездками. Меня знали в лицо. Рита-медсестра откладывала для меня мягкий резиновый жгут: тугой больно сдавливал локоть. Старушка-регистратор Оксана Марковна спрашивала про маму, про зимовку, про мужа.

Восемь лет. А сегодня меня попросили отойти в сторону.

— Жанна Аркадьевна, секундочку, — девушка на стойке

— новая, с идеальным пучком и бейджем «Диана» — щёлкнула мышкой второй раз. Потом щёлкнула в третий. Она чуть дрожала от волнения. — Минутку, я уточню…

Запах кардамона тянулся от кофейного уголка для персонала, смешиваясь с антисептиком — любимый запах, который значил: здесь тебе помогут. Стояла и ждала, привычно улыбаясь. Привычно. Сколько же таких привычек. Вадим говорит: «Жанночка, ты у меня удобная, с тобой спокойно». Восемь лет принимала это за комплимент.

— Так, — Диана подняла на меня глаза, и в них было что-то жалкое, извиняющееся. — Жанна Аркадьевна, по полису, который вы предъявили… вас в нём нет.

— Простите? Посмотрите ещё раз, пожалуйста.

— В договоре страхования указан один застрахованный супруг — Софья Витальевна Юсупова. — Она повернула монитор и сглотнула. — Полис переоформлен… задним числом. Три месяца назад. Ваше имя исключено из состава застрахованных.

Наклонилась к экрану, пытаясь прочесть мелкий шрифт. В таблице стояла строчка, аккуратная, серо-синяя, как всё в этой клинике: «Супруга: Софья В. Юсупова, 26 лет». Ниже — дата изменения договора. Три месяца назад. А три месяца назад Вадим целовал меня в затылок и говорил: Жанна, не забудь про мамин день рождения, надо заказать тот торт с фисташками.

— Тут ошибка. Я жена. Я Юсупова. — Прижала сумку к

боку.

— Юсупова — да, — Диана смотрела куда-то в мою ключицу. — Но застрахован по партнёрскому договору только действующий супруг. Ваш муж — партнёр клиники, он сам оформлял изменение. Без предоплаты приём мы не можем… — она перешла на шёпот, — на вашем месте лучше сначала позвонить мужу…

— Сколько стоит приём у моего врача?

Диана назвала сумму. Услышав её, я тихо рассмеялась в кулак. До истерики было ещё далеко, но смеяться вслух не получалось. У меня не было столько на карте. В этом могла быть уверена: все основные карты держал у себя Вадим, а мои «карманные» таяли, хотя привыкла экономить на каждой мелочи — удобная же.

Мрамор под ногами стал ещё холоднее. Или сама остывала — от босых пальцев до груди.

— Диана, позовите Оксану Марковну. — Голос удалось удержать спокойным. Этому училась всю жизнь, у меня талант.

— Оксана Марковна не работает. По решению администрации смену сняли с регистрации, — Диана вжала голову в плечи. — Жанна Аркадьевна, я вам всё сказала. Простите.

Простите. Как удобно устроен мир: ошибка не моя, а прощают — мне.

Отошла от стойки. Встала у колонны, пропуская поток людей, — вот, пожалуйста, даже в унижении искала место,

где бы никому не помешать. Мимо прошёл мужчина в костюме, за ним женщина с коляской, весь мир ехал куда-то по своим полисам, своим безупречным, настоящим. Оставалось стоять у колонны и считать вдохи. Четыре — вдох. Шесть — выдох. Так мама учила, когда папа уходил.

— Жанна Аркадьевна.

Рита. Белый халат, рыжий выбившийся локон, знакомые веснушки. Она перегнулась через цветочную кадку и схватила меня за запястье — горячей рукой, с неожиданной для неё силой.

— Рита…

— Не подписывайте ничего. — Она прижалась к кадке и зашептала торопливо, срываясь. — Ничего, слышите? Ни отказа, ни заявления, ни согласия. Идите к доктору Аль-Фахри. Он спрашивал про ваши счета ещё на прошлой неделе. Сам спрашивал, понимаете? Сам.

— Какие счета? Про какие процедуры…

— Не знаю, не могу задерживаться, у меня обход. — Она разжала пальцы и отступила, но взгляд её был твёрдый, новый — восемь лет Рита смотрела на меня иначе. — Не подписывайте. Идите к нему.

Она исчезла за дверью с табличкой «Только для персонала», и пришлось остаться у колонны — с совершенно бессмысленным вопросом: почему ведущий хирург холдинга, человек, с которым я обменялась в жизни, наверное, пятью фразами, спрашивал про мои счета?

Карим Аль-Фахри. Его знала так, как знают известного человека в маленьком городе, — со стороны. Высокий, в белом халате, который на нём сидел парадным мундиром, хотя ткань была самая обыкновенная. Разговоры о нём шли всегда снизу вверх: администрация хмурится, пациентки вздыхают, персонал гордится. Он оперировал то, от чего другие отмахивались. Он один раз на моём профосмотре вошёл в кабинет, скользнул взглядом по моим анализам, сказал врачу: «Пересдайте ферменты, здесь смазано», — и вышел. Всё. Пять фраз, полжизни.

«Он спрашивал про ваши счета».

Подняла голову. У дальней стойки Карим подписывал что-то на планшете у хмурой женщины в тёмном костюме — судя по лицу, не из клиники. Слов их спора было не разобрать, но женщина всё резче рубила воздух ребром ладони.

А потом из лифта, из зеркальных створок, вышли двое.

Вадима узнала сначала по смеху. За восемь лет научилась различать его через стены, через толпу, через аэропорты. Он шёл, элегантный, отглаженный, с покрытой лаком бородкой, под руку с девочкой в шёлковом платье цвета мятного мороженого. Тонкая блондинка держала телефончик; на пальце блеснуло знакомое кольцо. Наше кольцо. Такое же, как моё, только бриллиант больше.

Соня. Её знала по коротким видео в соцсети — Вадим смотрел их со мной на диване, со скучающим лицом: «смотри, что эта дурочка выкладывает». Инфлюенсерша. Два-

дцать шесть лет.

Вадим о чём-то говорил ей, смеялся, обнял за талию — так же бережно, как неделю назад держал меня за плечи в аэропорту во время приступа тревоги и повторял: «Я рядом, я всегда рядом».

И тогда — до сих пор не понимаю, откуда силы, — сдержала крик. Пошла прямо к ним. Через весь холл, по холодному мрамору, мимо стойки, мимо кадок с финиковыми пальмами. В трёх шагах от него остановилась — и он поднял глаза, заметив меня.

Он меня узнал. Клянусь, узнал: ресницы у него дрогнули, челюсть под бородкой дёрнулась.

А потом он моргнул — и лицо его стало гладким, вежливым, как стекло витрины.

— Девушка, мы вам чем-то можем помочь? — Вадим Юсупов смотрел на собственную жену отчуждённо.

Соня в мятном платье повернулась ко мне. Ноздри у неё были тонкие, а улыбка — свежая, как реклама зубной пасты. Она оглядела меня — босоножки, летнее платье, сумка, руки, лицо, — и улыбка стала чуть шире.

— Вадим, ты знаешь эту даму? — Соня чуть теснее прижалась к нему, сладко растягивая слова.

— Нет. — Мой муж уже смотрел мимо.

Мир у колонны трещал. Здесь — не трещал. Здесь он стоял. Люди шли, кардамон пах, пальмы стояли в кадках, вода в фонтане журчала, и мой муж, на которого потратила восемь

лет своей жизни, четыре переезда и одну бесплодную надежду, говорил: нет.

— Ошибка. — Поправила сумку. Голос не дрогнул. Никогда не дрогнешь, Жанна, никогда. — Ничего, бывает.

Развернулась. Удержалась от того, чтобы побежать. Пошла — медленно, считая шаги: иначе придётся считать слёзы, а их приберегу для дома, для одиночества, где никто не увидит, как расплачусь.

— Жанна Аркадьевна.

Голос был низкий, спокойный, без единой лишней ноты — голос человека, который привык, что его слушают с первого слога. Обернулась на своё имя.

Карим Аль-Фахри отложил планшет. Женщина в тёмном костюме осталась у стойки, а он сделал два шага в мою сторону и остановился — на учтивом расстоянии, не ближе.

— Вы Жанна Аркадьевна Юсупова. — Он утвердительно произнёс мою фамилию и чуть наклонил голову.

— Я — да. А по полису — нет.

Что-то в лице его переменилось. Едва заметно напряглись скулы. Он посмотрел туда, где стояли Вадим и Соня, — уже зная, кого там найдёт. Ни капли удивления. Только холодная, тяжёлая, давно собранная ясность.

— Он уже был здесь. В прошлом месяце. — Карим кивнул в сторону Вадима. — Забирал документы.

— Доктор, я не понимаю…

— Поймёте. Завтра в десять, если хотите. — Он отступил,

пропуская женщину с коляской. — Сегодня — идите домой. И, Жанна Аркадьевна…

Он назвал моё имя-отчество так, как Оксана Марковна, — привычно, по-хозяйски, как называют своего. Восемь лет меня так здесь называли. За один день один человек сумел стереть это имя, а другой сейчас возвращал его мне — одним обращением.

— Да?

— Не подписывайте ничего. — Карим дождался, пока посмотрю на него. — И телефон не выключайте. Сегодня вам будут звонить.

Глава 2. Чужая жена

Вадим не взял трубку.

Первый раз — гудки. Второй — сброс. В третий раз набрала уже с площади, на жаре, под пальмами и на двадцатом гудке отключилась. Следующий вызов оборвался сразу — похоже, он занёс меня в чёрный список. Это быстро. Знаю, это делается за четыре секунды.

Сидела на скамейке у фонтана напротив клиники и разглядывала свои руки. На левой руке было кольцо — то самое, не такое, как у Сони, скромнее, зато восемь лет носки, белая полоска кожи вокруг. Снять его пока не смогла. Дело было не в пальце: свободный ободок двигался легко. Что-то держало глубже.

— Мам… — На пятой попытке дозвонилась на старый домашний номер в Новороссийск и прижала трубку к уху. — Мам, я просто узнать, как вы там.

— Жанночка… — Голос был сонным: видно, мама прилегла после завтрака, у нас обеих было утро. — Что-то случилось? Голос какой-то… Ты плакала?

— Ничего. Просто соскучилась. Хотелось тебя услышать.

Мы поговорили три минуты. О том, что случилось в клинике, промолчала. Удобная. Даже маме — неудобно быть неудобной.

Карта не работала с самого утра — попробовала опла-

тить воду в магазине при клинике, когда от жары уже расплывались ценники перед глазами. «Операция отклонена». Ещё одна, семейная — «операция отклонена». Позвонила в банк: карту заблокировали по заявлению основного держателя. «По техническим причинам», — добавила девушка после паузы. Технические причины в этом доме всегда носили имя Вадим.

Домой добиралась час — на такси, за последние наличные. Наш дом — вилла на две семьи, первый этаж свекрови, второй наш, — встретил меня холодом кондиционеров и запахом её фирменного рагу. Тамара Петровна была в гостиной, в шёлковой накидке, смотрела сериал. Увидев меня, она не выключила, а лишь сбавила звук — жест гостеприимства по-юсуповски.

— Жанна. Ты рано.

— Тамара Петровна… — Поставила сумку. От дрожи сцепила пальцы, пряча их в складках платья. — Что такое с полисом?

Сериальная женщина на экране плакала над разбитой вазой. Свекровь посмотрела на меня долгим взглядом — снизу вверх, с дивана, с хозяйской высоты.

— Сядь. — Она указала на диван.

— Постою. Только объясните, пожалуйста.

— Ну как хочешь. — Она взяла пульт, убрала звук совсем. — Я знаю. Вадим звонил. И я скажу тебе прямо, как есть, потому что я тебя восемь лет как дочь люблю и потому что

врать — это не наш метод.

Она выпрямилась, подобрала накидку.

— Софья — это дело коммерческое. По договору с холдингом в партнёрском полисе должен быть один основной взрослый иждивенец, налоги, оптимизация, Вадим лучше знает, он брокер. Ты работаешь удалённо, страховка тебе не нужна по большому счёту, плати как все — и никаких проблем. А Софью вписали, потому что… — она сделала неопределённый жест, — Вадиму так было удобно. Бизнес, Жанна. Никто тебя не выгонял и не бросал. Просто бумаги.

— Бумаги задним числом. Три месяца назад.

— Ну и что? Кто смотрит на даты?

— Тамара Петровна. — Пришлось всё-таки сесть: ещё немного, и колени подогнулись бы. — Он вписал любовницу в мой полис.

— Не смей этого слова! — Она даже привстала. Рагу на кухне булькнуло, и от этого домашнего звука стало ещё обиднее. — Никаких любовниц. Софья — это… особым образом устроенные отношения, которые к тебе отношения не имеют. Слушай меня внимательно, потому что я скажу один раз. Семья — это репутация. Партнёр холдинга не может прийти в правление с бракоразводным скандалом, это минус тридцать процентов оборота, я считала. Ты — разумная женщина. Потерпи. Смотри не в бок, а вперёд. Вот Вадим выправит финансовые дела — и мы всё отрегулируем. А сейчас главное — не устраивать сцен. Ни в клинике, я уже слышала, бы-

ла сцена, тебя все видели, — ни в правлении, ни на людях. Сцена — это когда выигрывают все, кроме нас. Понятно?

Смотрела на неё и думала, что она красивая. Всегда была красивой, эта женщина, — ухоженная, властная, с идеальным гримом. Восемь лет носила ей мандарины и слушала, как надо жить. Столько заботы ушло на неё, а теперь передо мной сидела чужая, сытая моими уступками женщина.

— Тамара Петровна, а если я хочу развестись?

Тишина. Экран замерцал, неслышный.

— Тогда ты останешься ни с чем. — Она подалась ко мне, почти нежно понизив голос. — Всё оформлено на Вадима. Вилла — его фирме. Машина — лизинг. Деньги — на его счетах. А ты, прости за прямоту, домохозяйка с удалённой подработкой по переводам, которой муж дает карту. Подумай, прежде чем устраивать сцену.

— Я не устраиваю сцену. Задаю вопрос. Вы восемь лет называете меня дочерью, а сейчас спросить нельзя?

— Вот и не задавай. — Она снова взяла пульт. — Поешь рагу. И Жанна… не звони Вадиму по работе, у него переговоры. По семейным — тоже не надо, он на нервах.

Поднялась наверх. Остановилась на площадке, у зеркала, где всегда останавливалась. В зеркале была женщина тридцати трёх лет с аккуратным лицом, которое привыкло быть удобным. «Ты останешься ни с чем». Голос у свекрови был спокойный, как у страховщика, читающего исключения из покрытия.

Вечером сидела на нашей — теперь, видимо, уже просто его — террасе и смотрела на огни Дохи. Курантов у нас не было, доносился уличный гул из-за квартала, за крышами темнело море, с чужой клумбы тянуло жасмином. Телефон вибрировал.

Соня, короткое видео. Новый аккаунт Вадима, тот, «рабочий», который нашла через общую знакомую. Она выложила кадр: бокалы, закат, мужская рука с запонкой. Подпись: «С тем, кто ценит по-настоящему». Долго смотрела на запонку. Эти запонки подарила ему сама. На восемь лет свадьбы. Двести долларов с последнего моего гонорара, потому что гонорары у меня были смешные, а запонки — настоящие.

Сложила руки на подоконнике и положила на них голову. Для рыданий не хватало дыхания. Слёзы текли сами, маленькие, дурацкие, пачкая рукава, — и позволила себе плакать ровно десять минут. Потом встала, умылась и подумала: что мне нужно, чтобы дожить до утра, если завтра меня выкинут совсем?

Ночью мне позвонила Рита. Просто так. Сказала: «Жанна Аркадьевна, я вам завтра в смену кофе взяла, вы только приходите, ладно? Просто приходите». И положила трубку, не дожидаясь ответа.

На следующее утро сидела в холле клиники — до приёма было рано, к стойке подходить страшно, и выбрала диван у фонтана: идти больше было некуда, а здесь хотя бы пахло кардамоном и меня знали. На платный приём денег по-

прежнему не хватало. Муж так и не взял трубку. Был дом, где меня отсылали к рагу, лишь бы замолчала, и работа, с которой могла оплатить продукты, но не обследования.

В половине десятого к дивану подошла Рита. Огляделась по-воровски, подала мне тёплый картонный стакан с кофе и корицей, положила рядом пакетик домашнего овсяного печенья, а на колени набросила клетчатый больничный плед, ещё тёплый после отпаривателя.

— Вы не спали. — Она подоткнула плед у моих коленей. — Лицо как бумага. Пейте. Это не из кулера, это я варила, на кардамоне, как Оксана Марковна учила.

— Рита, зачем вы мне это…

— Затем, что мы все вас знаем, Жанна Аркадьевна. — Она присела рядом, понизив голос. — Восемь лет вы с нами. Восемь лет вы нам конфеты на майские носили, и когда у меня сын родился — вы первые цветы принесли, я помню, я всё помню. А этот ваш… — она дернула подбородком в сторону лифта, — с его Софьей тут три месяца по коридорам фоткаются, как в галерее. И счета их видела, — она ещё понизила голос, до дыхания, — я не глупая. Я реестр видела. Так вот, не вам он цену набивает. Понимаете? Не вам.

— Рита, что за счета? За мои обследования?

— Не могу. — Она встала, поправила колпак, лицо её снова стало простым и усталым. — Я болтать не могу, меня Лейла съест. Пейте кофе. И то, что вчера доктор сказал, — сделайте.

Она ушла. Я осталась сидеть под пледом, с горячим стаканом в руках, и печенье было мягкое, с изюмом, как пекут к чаю для своих, — и это было, вероятно, самое достойное, что случилось со мной за два дня: чужая женщина нагнулась, согрела меня пледом и своей заботой в этом холодном мраморном холле.

А потом звякнули створки лифта.

Он вышел из них так, как входит в кадр — зная, где свет. Вадим. Костюм, часы, бородка лакированная, под руку — мятное платье. Они шли через холл, и он о чём-то говорил ей, красиво гнул пальцы, изображая цифры, — слишком громко, с паузами для её смеха. Он пришёл сюда позировать. Он приводил её смотреть на своё владение — на клинику, на холл, на персонал, на мрамор, на фонтан. На всё то, что он в голове своей уже поделил и присвоил. Включая полис. Включая жену — чужую, ту, прежнюю, которую он вычеркнул, как строчку из счёта.

Они прошли в трёх метрах от моего дивана.

Вадим повернул голову — медленно, лениво, отвлекаясь от рассказа, — и встретился со мной взглядом. Сидела прямо, на виду у него, с пледом на коленях и стаканом в руках. Смотрела ему в лицо. Пусть привыкает. Я больше не исчезаю, когда он смотрит сквозь.

Что-то мелькнуло у него в глазах — острое, на четверть секунды. Зрачок дёрнулся. Он отвернулся первым.

— Вадимчик, а это что за зал? — Соня потянула его к

двери, певуче растягивая слова.

— Административный, зайка. Тебе не интересно.

И они скрылись за углом, и запах её духов — сладкий, персиковый, до тошноты молодой — остался висеть в воздухе у моего дивана, как пометка на территории.

Допила кофе. В остатке на дне — гуща, кардамоновая дробинка, одна. Одна — это тоже число, и оно вдруг перестало казаться маленьким. Встала, сложила плед уголок к уголку, как учили, положила на подлокотник и пошла к стойке — уточнять, где принимает доктор Аль-Фахри.

Диана подняла голову, и на этот раз мне сразу нашлось место перед стойкой.

— Жанна Аркадьевна, доктор уже вас ждёт. Четвёртый этаж.

Глава 3. Гарантия

Карим принял меня сразу, без очереди, в кабинете на четвёртом этаже, где за окнами во всю стену синело море. Здесь работал врач: стол, две лампы, в углу — старый анатомический скелет на латунной подставке. На стене — дипломы на трёх языках и одна фотография: пожилая женщина в национальном платье, руки сложены.

— Садитесь, Жанна Аркадьевна.

Он налил воду в стакан сам, без секретаря, и пододвинул. Ждал, пока я выпью. Только потом сел.

— Вы вчера упомянули счета. — Поставила стакан, оставив на столе влажный кружок. — Рита сказала — счёта. Доктор, я пришла узнать, что происходит. Только прямо. Вся эта неделя была такая, что мне нечем дышать от чужих «секундочек» и «как хотите». Говорите прямо или не говорите.

Он внимательно посмотрел на меня. Пока ждал, успела разглядеть тёмные глаза с густым ободком и морщинки у переносицы. Наверное, приходится много щуриться в операционной.

— Хорошо. Прямо. — Он отставил пустой стакан. — Три недели назад умер мой пациент. Хамис, сорок один год. Несчастный случай на производстве, затем — сепсис, я дрался за него месяц. Ему требовалась программа, которая стоит как хорошая машина. Страховая через своего брокера,

Юсупова, вашего мужа, отказала по той же схеме, по которой вчера отказали вам. По полису, вместо Хамиса, был указан другой застрахованный. Человек, которого в базе не существовало. Документы приходили от брокера задним числом. Отказ — «техническая ошибка абонента». Я писал жалобу в правление холдинга. Правление ответило: отношения с партнёром-брокером стратегические, урегулируйте в рабочем порядке. Урегулировать было некому. Хамис умер шесть дней спустя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.